

Дмитрий КАСАТКИН

Нижний Новгород

* * *

А закроешь глаза, стоит отец.
И он любит тебя, как любят сына.
Солнце августа плавит тугой рубец.
Пахнет теплой пылью, его машиной.

Размотать бы времени злую нить...
Посмотреть на него светло и прямо.
И о чем-нибудь тихо поговорить,
Поджидая шаг молодой мамы.

* * *

Люблю свой дом: холодную кровать
И желтый луч, целующий обои...
Люблю, когда не надо умирать.
Люблю тебя. И целый мир – с тобою.

Сегодня Рождество Христово. Все не так,
Как нам с тобой мечталось и хотелось.
Бывает, дом окутывает мрак.
Бывает утро. И бывает зрелость.

Пей чашу злости на меня, лелей вражду.
Мешок укоров высыпи мне в ноги.
Талдычь о том, что нам не по дороге
И всё-всё-всё-всё-всё... Я подожду.

* * *

И этот страх в душе твоей когда-то
Расплавится от пламени Его.
Тот день окажется обычной датой.
Так было буднично и канское вино.

Ну а пока трясись, как недоумок.
Из неба сумки сыплется табак...
Плывет перед ногами переулок,
И чувства чувствуются черт знает как.

Придет из ниоткуда облегченье.
Здоровье сердца исподволь придет.
И это будет только часть течения.
И это мимо проплывет...

Николай ПОЛОТНЯНКО

Ульяновск

Сказ про Ивана Грозного на Суре

Казань близка. В мордовских дебрях рати
Князь Курбский вёл три ночи и три дня.
И, выйдя из лесов, на кровавом закате
У берега Суры остановил коня.

Царь Иоанн оставил спешно Муром
И шёл навстречу с войском основным.
Клубились облака на небе хмуром.
Над станом вился горький белый дым.

Там, где Барыш с Сурой сливались вместе,
Вставала из воды седая хмарь.
И прискакавший Иоаннов вестник
Всем объявил, что завтра будет царь.

Князь Курбский из шатра шагнул наружу.
Вокруг костров мерцал багровый свет.
Звезда, взлетев, отяготила душу
Предчувствием уже недалних бед.

Он знал, что за казанскую победу
Придётся заплатить ему сполна.
Но князь в тот час того ещё не ведал,
Что будет и Ливонская война.

Что будут мятежи, опалы, казни,
Опричнина, потоки подлой лжи.
Но в этот миг он мог помыслить разве,
Что скоро сам в Литву перебежит?..

Наутро они встретились. Пожаром
Рассвет в Суре волну окровавил.
И князь перед великим государем
Бестрепетно колено преклонил.

Сказ про еретика Якова Ярова

Топоры по берёзам – туп! туп!..
Что, мужики, рубите?.. Сруб! Сруб!..
В дерево звонко стучит топор.
Берёза сухая – жарче костёр.

А вокруг посадская шныряет ребятня.
А вокруг зеваки позорища ждут.
Завтра на рассвете морозного дня
Здесь колдуна в срубе сожгут.

В клетки острожной мечется тень.
Кандалы железные – звень! звень!
Кончилась ночь. Утро встаёт.
В красной рубахе палач идёт.

Сруб на Венце, по-над Волгой, готов.
Яр воевода. Поздрей сопит.
Яков Яров идёт без оков:
На дыбе изломан – не улетит.

Снег под лаптишками – хруп! хруп!
Якова Ярова бросили в сруб.
Искра упала в сухое сенцо.
Мать уронила в ладони лицо.

Наталья СТРУЧКОВА

Нижний Новгород

Микеланджело. Пьета

Вся мира скорбь в тобою созданном,
И красота неповторима.
Она нужна, подобно воздуху,
Она звучит, подобно гимну.

В звучанье даже ноты траура
Досужим зрителям не слышно,
А я бледна, подобно мрамору,
И точно так же неподвижна.

И только слёзы жгут запястья –
То слёзы высшего блаженства,
И плачу я уже от счастья
Увиденного совершенства.

Вербa

Не была сухою вербою –
Я, приникшая к ручью.
Только самую целебную –
Ключевую воду пью.

Я – снегами да разливами,
Будто звонкая весна,
Вместе с трепетными ивами,
Я – землёй напоена́.

Чтоб взметнуться к небу ветками,
Прикоснуться... Лишь затем
Выбрала однажды крепкую –
Корневую – из систем.

Андрей ГАЛАМАГА

Москва

Усадьба

Солнце июльское нынче особенно злое.
Нас не смутить. Мы отправимся в путь поутру.
Тула, Москва и Орёл изнывают от зноя;
А в Лутовинове – рай, несмотря на жару.

Тает дорога, вот-вот уж приехать пора нам;
Только чуть-чуть потерпеть – на несчётной версте
Светлые контуры стройного Спасского храма
За поворотом возникнут во всей красоте.

И неожиданно необратимое время
Вспять потечёт и волной увлечёт за собой,
Где неподвижная сень двухсотлетних деревьев
Нас от несносного солнца укроет листвою.

Скрытой тропинкою среди кустов и кореньев
Неторопливо уйдем с проторённых аллей;
Может быть, этой тропинкой влюбленный Тургенев
Савину в сад уводил от докучных гостей.

Тут ей в подарок поднёс драгоценные серьги;
Трелью своей соловей отозвался вдаль.
Савинский пруд обогнув, добредём до беседки,
Где признавался писатель актрисе в любви.

Кажется, будто при нас это происходило;
Но не хватает лишь малости: вот бы узнать,
Вот бы услышать, какие слова находил он,
Чтобы красавице чувства свои передать.

Знаю, признание его не остыло поныне,
Пусть своей цели писатель вполне не достиг.
Вспомним Ивана Сергеевича и подыдем
Полные рюмки – за русский свободный язык.